

**Ольга Игоревна Елисеева,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории
и исторического архивоведения Московского
государственного института культуры**

**Г.А. Потемкин как государственный деятель России и создатель
Черноморского флота**

Личность Григория Александровича Потемкина давно волновала воображение ученых и писателей. Его судьба, столь плотно сплетенная с судьбой Екатерины II; его неповторимый характер, на первый взгляд, сотканный из противоречий, а в основе своей удивительно цельный; его дела, столь грандиозные, что современники порой видели в них феерию — все стало предметом толкования, слухов, сплетен, романтических историй, политических памфлетов и в меньшей степени — научного исследования.

«Много величавых образов украшает блестящий век Екатерины; — писал В.Г. Белинский, — но Потемкин всех их заслоняет в глазах потомков своею колоссальною фигурой. Его и теперь все также не понимают, как не понимали тогда: видят счастливого временщика, сына случая, гордого вельможу, — и не видят сына судьбы, великого человека, умом завоевавшего себе безмерное счастье, а гением доказавшего свои права на него. Потемкин — это одна из тех титанических натур, которых душа вечно пожирается ничем не удовлетворяемою жаждою деятельности, — для которых перестать действовать значит перестать жить, — которым, завоевав землю, надо делать высадку на луну или умереть... В самих его странностях было что-то таинственно высокое, и все смотрели на него со страхом и любопытством»¹.

Лучше не скажешь. исполинский размах личности Потемкина соответствовал исполинскому характеру его века — века Екатерины. Ныне XVIII столетие принято именовать «куртуазным», а сама императрица называла его «железным». В этом сочетании внешнего изящества с

необыкновенной мощью состоит отличительная особенность эпохи. Такие люди, как Потемкин, питали ее своей жизненной силой, и, казалось, само время вокруг них уплотнялось и шло быстрее. Реализованные с блеском внешнеполитические проекты, присоединение Крыма, создание Черноморского флота, военные реформы, города, возведенные в голой степи и в считанные годы зазеленевшие садами, Северное Причерноморье, ощетинившееся гранитными фортами русских крепостей — все это плоды титанического труда и недюжинного таланта человека, который негласно разделил с Екатериной власть во вторую половину ее царствования.

Одной из причин скорого возвращения Григория Александровича в Петербург в 1776 г. и продолжения к нему милостей императрицы А.Н. Самойлов называл невозможность Екатерины реализовать без Потемкина разработанную им новую «восточную систему»². Эта система должна была позволить России в полной мере воспользоваться результатами Кючук-Кайнарджийского мира.

Империя приобрела Керчь, Еникале, Кинбурн, земли между Бугом и Днепром, Азов, Кабарду, долины Кубани и Терека, получила право свободного плавания по Черному морю и строительства крепостей на переданных ей территориях. Крымское ханство стало независимым от Турции, что сказалось на его обороноспособности. Петербург получил право заступничества за христиан в Молдавии, Валахии и Крыму, которое предоставило России возможность вмешиваться во внутренние дела Турции и ее сателлитов³.

Таким образом, Кючук-Кайнарджийский договор таил в себе величайший соблазн: не использовать закрепленные в нем права значило добровольно отказаться от результатов тяжелой шестилетней войны, начатой не Россией и выигранной в момент глубокого внутреннего кризиса — Пугачевщины. Реализация же купленных такой дорогой ценой возможностей вела к новому столкновению с Турцией и плохо контролируемым внешнеполитическим последствиям. Екатерина и Потемкин выбрали второе.

Россия балансировала на грани разрыва с Оттоманской Портой долгие годы. Каждая попытка реализовать полученные по договору права еще туже затягивала узел противоречий. От «злой» воли Екатерины и Потемкина уже не зависели процессы, пробужденные в Крыму и Закавказье самим фактом выхода империи к Черному морю. Русское правительство могло лишь более или менее оперативно реагировать на развивающиеся события. Любое неловкое движение грозило спровоцировать новый конфликт и приостановить укрепление России в Причерноморье.

В 1775 г. Екатерина II провела реформу местного управления. «По великой обширности некоторых губерний, — писала государыня, — оные недостаточно снабжены... надобными для управления людьми». Из-за объединения в ведении губернаторов административных, финансовых, судебных и полицейских функций «возрастают своевольства и ябеды»⁴.

Реформа разукрупнила губернии, их число увеличилось вдвое и составило 50. Были расширены функции чиновников на местах, что позволило разгрузить центральные учреждения, коллегии, и, напротив, дать губернским и уездным органам больше власти решать текущие дела у себя дома.

Во главе местного управления встали генерал-губернаторы или наместники. Они были наделены чрезвычайными полномочиями и ответственны только перед императрицей. В их руках фактически сосредотачивалась вся власть на местах. Поэтому генерал-губернаторы назначались из наиболее доверенных лиц Екатерины. Когда наместник находился в Петербурге, он мог принимать участие в деятельности Сената наравне с сенаторами⁵. Что касается Потемкина, то он являлся еще и членом Совета. Зачастую генерал-губернатор играл в наместничестве роль неограниченного правителя, особенно если он обладал таким властным независимым характером, как светлейший князь.

Английская исследовательница И. де Мадариага сравнивала наместников с вице-королями в колониальных державах, где из-за

отдаленности территорий трудно было управлять ими из центра⁶. В этом замечании много справедливого, ведь наиболее крупные наместничества располагались именно на окраинах империи. Однако в России новая структура местного управления охватила всю страну, и генерал-губернаторы были не только в Новороссии или на Украине, но и в столичных городах — Петербурге и Москве.

Еще 11 января 1774 г. попечению Григория Александровича были вверены Новороссийская и Азовская губернии и укрепленная Днепровская линия. Одновременно он стал именоваться командующим всей легкой конницы и иррегулярных войск, а также главным командиром всех войск, поселенных в губерниях Астраханской, Новороссийской и Азовской⁷. С 1775 г. Потемкин стал наместником. Кроме войск, ему подчинялась полиция. В пограничных губерниях находилась основная часть русской армии, а затем и Черноморский флот, которыми Потемкин распоряжался еще и как вице-президент (с 1783 г. президент) Военной коллегии.

Уже в конце 1777 г. Екатерина писала князю о необходимости готовиться к войне, о постройке кораблей на Днепре и адмиралтейства на Лимане. Флот призван был защищать от посягательств Турции вновь приобретенные земли. С одной стороны, в диком неосвоенном краю создать флот в короткие сроки было практически невозможно. С другой — обжить и благоустроить юг, не обеспечив его безопасности, казалось столь же неосуществимой задачей. Поэтому хозяйственное освоение Новороссии и Тавриды шло рука об руку со строительством Черноморского флота и осуществлением реформ в армии.

Обладая громадным влиянием на дела империи, светлейший князь позволял себе действовать через голову высших государственных учреждений, изредка посылая в Сенат рапорты о делах в наместничестве, и чаще всего обращался прямо к императрице⁸.

Потемкин распоряжался громадными суммами, которые правительство ассигновывало на развитие края. Недоброжелатели часто обвиняли его в

утаивании и растрате денег. Ордера и контракты на поставки для армии показывают, как расходовались эти средства. Провиант закупался в Польше, откуда его проще было вести в Новороссию. Там основными поставщиками были граф Винцентий Потоцкий, графиня Александра Браницкая и некий коллежский ассессор Бржозовский⁹. Далекое не все, что ассигновывалось, действительно получалось. В 1787 г. в Екатеринославскую и Таврическую губернии было ассигновано 2.718.745 рублей, но до начала войны сумму не выдали, а с началом боевых действий выплату отложили «до удобнейшего времени». Из Ассигнационного банка по указу от 1 сентября 1785 г. в Новороссию и Тавриду должны были отпустить 3 млн. рублей. Деньги выдавались по миллиону в год, третий не был получен вообще¹⁰.

В связи с медленностью прихода сумм Потемкин часто оплачивал государственные расходы из своего кармана. Обвинения в казнокрадстве повторялись противниками светлейшего князя и при его жизни, и после смерти. Вступив на престол, император Павел I назначил две сенатские ревизии финансовой деятельности Григория Александровича. Их результатом стало оправдание светлейшего князя¹¹. Казна осталась должна Потемкину, а вернее его наследникам. Объяснить подобный вывод отсутствием необходимой документации сложно, т. к. финансовые бумаги Потемкина до революции хранились в архиве Екатеринославского губернского правления. Ныне они известны, благодаря публикации.

Еще в 1774 г. Новороссия представляла собой пустынную степь, обрывающуюся в Черное море, а присоединенный в 1783 г. Крым сделался русским только по названию, так как основное его население составляли татары. Важнейший вопрос, который пришлось решать Потемкину — заселение края. Сюда направился мощный переселенческий поток из русских, украинцев, казаков, поляков, греков, румын, болгар, валахов, сербов и др.

Первоначально предполагалось сделать русский элемент колонизации главным. В «Рассуждении...» говорилось о необходимости поселить в Крыму

20 тыс. пехоты и 10 тыс. конницы, а также взять из государственных волостей и монастырских деревень 10 тыс. хлебопашцев. Однако Сенат крайне неохотно выделял государственных и монастырских крестьян для Новороссии и Тавриды, поскольку это приводило к потере налогоплательщиков. Переселенцы освобождались от налога на срок от 15 до 30 лет¹². Вместо 10 тыс. на юг посылались партии из 40 — 60 семей, что, естественно, не могло удовлетворить потребности края.

По его приказу поселенцы за казенный счет получали на одну душу мужского пола восемь десятин пахотной земли, по паре волов, по одной лошади и по одной корове¹³. В первую очередь были заселены города Алешки, Балаклава, Феодосия, Керчь, Петровская слобода, Курцы, Санкт-Петербургские мазанки, Саблы, Изюмск и Мангуш.

Попытки князя забирать в наместничество русских каторжников, используемых на уральских заводах, не увенчались успехом — и на севере нужны были рабочие руки. Тогда Потемкин решил выписать из Англии партию осужденных, отправлявшихся в Америку. Посол в Лондоне Семен Воронцов очень гордился тем, что помешал этому «унизительному для России плану»¹⁴. Чем Крым в те времена был лучше Америки, а английские бандиты хуже греческих пиратов, в большом числе вселявшихся в Тавриду, неясно.

Однако сам собой открылся неожиданный источник поселенцев: в Новороссию и Тавриду устремились беглые. Потемкин не стал особенно разбираться, чьи они и откуда, а приказал укрывать их в своем наместничестве, возобновив старинный казачий принцип: с Сечи выдачи нет. Начиная с 1775 г. выдачи не было со всех вновь приобретенных на юге земель. 31 августа 1775 г. Григорий Александрович писал в секретном ордере генералу-квартирмейстеру, губернатору Новороссии М.В. Муромцеву: «Являющимся к вам помещикам с прошением о возврате в бывшую Сечь Запорожскую крестьян объявить, что как живущие в пределах того войска

вступили по высочайшей воле в военное правление и общество, то и не может ни один из оных возвращен быть»¹⁵.

Материалы ревизий второй половины XVIII в., подробно исследованные В.М. Кабузаном, показывают, как обстояли дела в реальности. К концу 70-х гг. на территории Екатеринославской губернии прирост населения за счет переселенцев составил 116,8 %; на территории бывшего Войска Запорожского — 285,5%; в Херсонской губернии — 146,1 %. Все население Екатеринославской и Херсонской губерний увеличилось с 154,3 тыс. человек в 1763 г. до 357,1 тыс. к концу 70-х гг. В 1778 г. население Екатеринославской губернии увеличилось на 18,2 % за счет перевода в Мариупольский уезд проживавших прежде в Крыму греков, армян, грузин и волохов. Из 147 селений в Крыму было переселено 18.407 греков, 12.598 армян, 219 грузин и 162 волоха, всего 31.386 человек¹⁶.

С декабря 1777 г. в Ахтиярской гавани находился большой отряд турецких кораблей, готовый высадить десанты.¹⁷ Посылать свои эскадры в длительное плавание от балтийских берегов вокруг всей Европы при каждом обострении обстановки на Черном море Россия не имела возможности. Встал вопрос о заведении собственных верфей на Днепровском лимане. 18 июня 1778 г. Екатерина подписала указ Потемкину «о назначении места для заведения на Лимане гавани и верфи и о наименовании онаго Херсоном».¹⁸

«Надлежит сделать на Лимане редут, в котором бы уместились адмиралтейские верфи и прочее, по примеру здешнего адмиралтейства и назвать сие Херсоном, — писала императрица, — тамошний Кронштадт естественный есть Очаков, осада онога и взятие не станут так дорого, как крепость, прожектированная господином Медером, цивильное же строение Херсона можно обнести полевым укреплением».¹⁹ В середине 1778 г. война с Турцией казалась неизбежной. По этой причине Потемкин отверг место для строительства Херсона, выбранное генерал-контролером Адмиралтейства С.Б. Шубиным²⁰. Устье Лимана с выходом на Глубокую бухту не было ничем защищено от Очакова, из которого турки беспрепятственно могли сделать

нападение по воде и, как говорил светлейший князь, «в одну ночь истребить заготовление многих годов»²¹. Императрица согласилась отнести крепость, гавань и верфи на 35 верст вверх по правому берегу Днепра. «Батя, что касается до Херсона, то мне все равно, где б ни стоял, — писала Екатерина, — лишь бы у меня корабли строились и двойной ...работы не было»²².

Место, избранное светлейшим князем для строительства Херсона, имело ряд преимуществ, связанных с непосредственной близостью каменоломни и возможностью доставлять лес, железо и провиант прямо по Днепру. Однако важное препятствие представляли Днепровские пороги. Еще Петр I предпринял попытку обвести пороги высеченными в гранитной скале каналами, следы которых были обнаружены сотрудниками Потемкина у Старого Кайдака.²³ Светлейший князь, по совету молодого талантливого военного инженера Н.И. Корсакова, избрал другой путь: крупный подрядчик М.Л. Фалеев, знакомый Потемкину еще с 1773 г., взялся взрывать пороги и прочищать дно. Князь хлопотал о разрешении провести такую работу. «О Днепровских порогах Турчанинов Вам скажет мое мнение, — писала в ответ Екатерина, — одни пороги легко чистить, вываля одинокие камни из фарватера, а другие уступами, сих нельзя переводить. Итак, нужно, чтобы Вы начали доставлять мне материалы, которые убедили бы меня в возможности; сумма же весьма мала, и за нею, видя пользу, не постою»²⁴.

Фалеев с успехом исполнил работу по расчистке дна, через два года по основанию в Херсон уже приходили крупные корабли и отправлялись назад с тяжелыми грузами. Известный баснописец И. И. Хемницер, проезжая в 1782 г. в Константинополь, писал 8 июля своему другу архитектору Н.А. Львову: «Ну, братец, Херсон, подлинно чудо. Представить нельзя, чтоб в три года столько сделать можно было. Представь себе современную степь, где ни прутика — не только дому, сыскать можно было. Теперь — крепость, и крепость важная, такая, например, какие из лучших мы в Нидерландах видели. Строение в ней по большей части все сделано из тесаного камня, какой, например, парижский»²⁵.

Еще в 1774 г. Екатерина по представлению Потемкина направила А.Г. Орлову рескрипт с приказанием разрешить служащим во флоте грекам основывать свои поселения в Керчи и Еникале. На казенные средства для них были построены дома, налоги отменены сроком на 30 лет. Через два года Потемкин выписал ордер Азовскому губернатору Е.А. Черткову о «постройке школы для малолетних, где бы не токмо первоначальные, но и высшие науки на греческом, российском, татарском и итальянском языках были, а сироты и бедных отцов дети обучались на казенный счет». Далее речь шла о «больнице с аптекою, где также сирых и дряхлых заслуженных людей пользоваться безденежно»²⁶. Возникали и национальные школы, например, в Нежине была греческая гимназия, куда по приказу Потемкина с 1787 г. стали присылать и детей албанцев. Русские направляли сыновей в Кременчугское училище²⁷.

В 1784 г. офицеры штаба Потемкина начали топографическое измерение Крыма. В результате были составлены карта и атлас Тавриды. В процессе этой работы подыскивались наиболее удобные места для населенных пунктов.

Ни один из новых городов не возник на пустом месте: там же или поблизости в древности существовали греческие поселения, от которых остались развалины и названия, или татарские деревни, положение которых подходило для строительства. Вначале были сооружены заводы для выделки черепицы, кирпича и гашеной извести в Акмечети, Карасубазаре, у устья реки Салгир и на Збруевской стороне. Особые трудности возникали с лесом, его приходилось везти из России или из Польши. Только по одному ордеру за древесину было заплачено 14950 рублей, по другому 13366 рублей, а таких ордеров были сотни.

Любимыми городами князя стали Екатеринослав и Херсон в Новороссии и Севастополь в Тавриде. Учрежденный в 1778 г. Херсон Екатерина назвала «молодым колоссом». Князь бывал там очень часто, и сам руководил многими работами. Чума, свирепствовавшая в Херсоне около двух лет,

задержала его развитие, но к середине 80-х гг. оно вновь набрало силу. Борьба с чумой имела для южных земель исключительное значение. Военный врач Д.С. Самойлович одним из первых вел в Крыму эпидемиологические исследования и разработал действенные методы против распространения заразы. Миранда писал о нем: «После ужина имел возможность, не спеша, побеседовать с доктором Самойловичем, описавшим признаки чумы, которую он, кажется, изучил лучше, чем кто-либо до него. Он был весьма изобретателен в проведении микроскопных исследований, его теория является чрезвычайно убедительной, а рекомендуемые им прививки вполне доступны»²⁸.

Мы приводили восторженный отзыв о Херсонской крепости И.И. Хемницера, увидевшего город в 1782 г. по дороге в Константинополь. Тогда же, в 1782 г., совершил поездку на юг бывший гетман Малороссии К.Г. Разумовский. 22 июня он писал своему старому знакомому, одному из секретарей Потемкина, М.И. Коваленскому: «На ужасной своей пустынности степи, где в недавнем времени едва рассеянные обретаемы были избытки, по Херсонскому пути, начиная от самого Кременчуга нашел я довольные селения верстах в 20, в 25 и далее, большею частью при обильных водах. Что принадлежит до самого Херсона, то представьте себе множество всякий час умножающихся каменных зданий, крепость, замыкающую в себе цитадель и лучшие строения, адмиралтейство со строящимися и построенными уже кораблями, обширное предместье, обитаемое купечеством и мещанами разнородными. С одной стороны казармы 10 000 военнослужащих в себя вмещающие, с другой перед самым предместьем видопрятный остров с карантинными строениями, с греческими купеческими кораблями и с проводимыми для выгод сих судов каналами. Я и до ныне не могу выйти из недоумения о том скором возвращении на месте, где так недавно один только обретался зимовник... Не один сей город занимал мое удивление. Новые и весьма недавно также основанные города Никополь, Новый Кайдак, лепоустроенный Екатеринослав, расчищенные и к

судоходству удобными сделанные Ненасытские пороги с проведенным при них каналом»²⁹.

На правой стороне Днепра был заложен Екатеринослав, в котором уже в 1784 г. императрица, по предложению Потемкина, повелела учредить университет. На следующий год прибыли первые партии рабочих. В октябре 1786 г. князь доносил: «По соседству Польши, Греции, земель Волошских, Молдавских и народов иллирийских множество притечет юношества обучаться». Город должен был заключать в себе «судилище наподобие древних базилик», «лавки полукружьем на подобие Пропилей или предверия Афинского, с биржей и театром посередине», «музыкальную академию или консерваторию», двенадцать фабрик: шерстяную, шелковую, суконную и пр. Предполагалось устроить обсерваторию, жилища для профессоров и студентов. Уже в 1785 г. назначено было жалование университетским наставникам, учреждена университетская канцелярия и приглашены некоторые преподаватели. Знаменитый композитор Джузеппе Сарти был назначен директором консерватории.

Планировалось, что город займет 300 кв. верст, для пастбища городского скота предназначалось 80 тыс. десятин выгонной земли, улицы прокладывались «столичной» ширины — 300 сажений. По мысли Потемкина, Екатеринослав должен был играть роль южной столицы России, центра управления культурной и хозяйственной жизнью Новороссии.

Через год после присоединения Крыма на берегу Ахтиярской бухты был заложен Севастополь. Он стал главной базой молодого Черноморского флота. Иностранные наблюдатели, посетившие эти места в 1787 г., в один голос хвалили молодой, быстро развивавшийся город, лучшую в Европе бухту и крепостные сооружения при ней. А вот сам князь с беспокойством относился к судьбе своего детища. 10 августа 1785 г. в докладе императрице он сообщал: «Польза сего места по близкому его к турецким берегам положению» состоит в том, что «оно весьма способно содержать в страхе все прилежащие селения, прикрывать наши торги и подвозы, идущие от устья

Днепровского». Однако «невыгодная при Севастополе натура представляет трудность в назначении там под крепость места... Рассматривая чертеж, кажется, что положение наилучшее, но, обозрев сих заливов окрестности, найдем, что надобно захватить всю долину, которая содержит около 3 верст, от чего б крепость вышла необъятной окружности. Через глубокие там овраги очень трудно и почти невозможно соединить части крепости и так защитит себя, чтоб не открыть тылу некоторых линий и самой внутренности залива прямолинейному действию неприятельских орудий»³⁰. Крайнее время осады такой крепости князь рассчитывал в «3 месяца или 90 дней». Тревога Потемкина о судьбе неудачной фортеции, которую пагубно отрывать от остальных войск и оставлять в осаде, оправдалась через 70 лет, в ходе Крымской войны 1853 — 1856 гг. Оборона Севастополя тогда длилась почти год (с 13 сентября 1854 по 27 августа 1855).

Даже во время боевых действий Григорий Александрович не оставлял хозяйственных распоряжений. Кампания 1788 г. была уже закончена, когда, осматривая очаковскую степь, князь обнаружил удобное место при впадении реки Ингул в реку Буг и приказал заложить здесь корабельную верфь. Николаев, названный так в честь дня взятия Очакова 6 декабря — праздника Святителя Николая — с самого начала строился как адмиралтейский город. 27 августа 1789 г. с николаевской верфи был спущен первый фрегат³¹. Потемкин предполагал углубить Ингул, открыть в Николаеве морской кадетский корпус на 360 человек и кораблестроительное училище, а в окрестностях города основать Спасо-Николаевский монастырь, монахами которого должны были стать «военные штаб- и обер-офицеры».

В 1790 г. были окончены работы по строительству адмиралтейства, гостиного двора, заложена большая церковь Григория Святителя Великия Армении, на содержание которой были определены доходы с лавок у биржи, погребов, трактира и кофейной. Число работавших доходило до нескольких тысяч. Приступили к заведению большого аптекарского сада, устройству мастерских для снабжения флота соленым мясом, сушеными горохом,

чечевицей и фасолью, а также консервами из овощей. Появились несколько пильных мельниц и сельскохозяйственных ферм. Если в 1788 г., по словам прибывшего в Николаев доктора Э.В. Дримпельмана, город состоял еще из тростниковых хижин и землянок, то в течение года было выстроено более полутора десятка каменных домов. По приказанию князя лес доставляли за казенный счет по Бугу и дешево распродавали жителям³².

Согласно записке о «Мирных предначертаниях князя Потемкина»³³, составленной в 1791 г. М.Л. Фалеевым, Григорий Александрович планировал перевести адмиралтейство из Херсона в Николаев «сколько для лучшего и удобнейшего строения кораблей места, столько и для здорового воздуха и чистых вод». В Николаеве должны были строиться крупные 74 пушечные линейные корабли, большие фрегаты, а также легкие суда для гребного флота.

В Херсоне Потемкин основал морской кадетский корпус и училища: штурманское и корабельной архитектуры. Франсиско де Миранда в 1787 г. описывал свое впечатление от херсонского арсенала: «Принимая во внимание, что он существует совсем недавно, поразительно, сколько кораблей тут построено... Стапели созданы самой природой на глинистой отмели... На них находится в данный момент 80-пушечное судно в начальной стадии строительства, 66-пушечное, близкое к завершению, 50-пушечный фрегат, чья постройка уже значительно продвинулась, и другой такой же, только что начатый. Я ознакомился с качеством работы и материалов, которые очень хороши. Какая великолепная древесина! Конструкция показалась мне точной копией английской, а корабли гораздо лучше наших и французских. ...Навигационные приборы — голландские, также много английских. Моряки — самые крепкие и бравые на вид люди, каких мне приходилось когда-либо встречать. Они очень опрятны, и мне говорили, что, как и солдаты, исключительно сообразительны»³⁴.

Не все были согласны с Мирандой. Потемкина не раз обвиняли в том, что флот им был построен наскоро, из негодных материалов, что корабли

сделаны из сырого леса, что экипажи плохо обучены, поскольку укомплектованы большей частью солдатами сухопутных войск. Испытания, выдержанные этим «гнилым» флотом и его громкие победы в 1789 и 1790 гг. говорят в пользу качества постройки, хорошей подготовки личного состава, умелого подбора командиров.

В то же время Миранда указывал на худое состояние госпиталя, виденного им в Херсоне. «Он неплохо спланирован и построен, но из-за ощущаемого повсюду отвратительного запаха, воздух внутри затхлый и показался мне даже зловонным. Чистотой и порядком госпиталь не отличался». Приспособиться к новому климату и непривычной воде уроженцам центральных губерний России было трудно. Недаром князь М.М. Щербатов, обличая Потемкина, писал: «Приобрели, или лучше сказать, похитили Крым, страну, по разности своего климата служащую гробницею россиянам»³⁵.

Следует помнить об общем низком уровне медицины того времени. Даже среди военного руководства не было изжито традиционное недоверие к врачам, поскольку многие из них действительно не обладали необходимыми навыками. П.А. Румянцев писал: «Служившие в армии медики должны признаться сами во многих недостатках сей части»³⁶. Суворов призывал полковых командиров не отсылать больных в лазареты, «где один умирает, а десять товарищей хлебают его смертный дух». В большинстве случаев лечение происходило без лекарств. От цинги давали кислую капусту, табак и хрен. Против лихорадки использовали голодание и обильное питье.

Строжайшим образом была запрещена вырубка лесов. Для строительства шла ввозная древесина, а топить рекомендовалось кизяком. В богатых домах обогревались, поджигая винный спирт, налитый в большие тазы, расставленные на полу³⁷. «Заботился его светлость и о лесах корабельных, — писал Фалеев, — почитая, что в последующие времена не из чего будет флот исправлять, и для того приказывал оные сеять при каждом селении адмиралтейском по несколько десятин... Для надобностей же

сельских и городских итальянскую тополь садить, как способную к растению скорее всякого дерева»³⁸. Из Центральной России в Крым привезены были из-под Самары молодые дубки для пересадки. Частично проблему отопления князь решал за счет открытого вблизи Николаева угля.

По Кючук-Кайнарджийскому мирному договору русские купеческие корабли получили право свободного плавания из Черного моря в Средиземное. Манифестом 22 февраля 1784 г. были открыты русские пристани Херсон, Феодосия и Севастополь. Князь начал раздачу патентов на «поднятие флага». Желая возродить былое купеческое могущество Кафы, Потемкин открыл Феодосийский порт, однако только для христианских кораблей. В этом был особый смысл — прежде Кафа считалась крупнейшим работорговым центром Крыма, откуда невольников-христиан тысячами продавали в Турцию.

Главным дипломатическим противником России, постоянно подстрекавшим Стамбул к военным приготовлениям, продолжал оставаться версальский двор. Часто прямые переговоры с ним могли дать больше, чем попытки склонить Турцию к миру. Светлейший князь предлагал нейтрализовать усилия французских дипломатов, связав Париж и Петербург торговым договором. Екатерина поддерживала эту идею. «Я читала от начала до конца все бумаги, от тебя ко мне присланные, — писала она 26 июля 1785 г., — ... Петергофскую ноту как тогда, так и теперь хвалю»³⁹.

Еще в июне 1785 г. новый посол Франции при русском дворе граф Сегюр передал через Потемкина государыне т. н. «Конфиденциальную ноту» о желательности заключить торговый договор. «Это тем нужнее для обоих государств, что императрица имеет ныне порты на Черном море, — сказано в документе. — Между нашими портами на Средиземном море и Херсоном могут возникнуть деятельные сношения»⁴⁰. По словам посла, Франция была готова поставлять вина, сахар и кофе из колоний, а покупать «разные предметы, необходимые для содержания флота», т. е. лес, парусину и деготь. Кроме того, «она потребует» много пеньки, солонины, кож, сала, воска и

селитры. «Франции выгоднее торговать непосредственно с Россией, чем платить другим народам огромные суммы за русские товары». — Заканчивал ноту Сегюр.

Как видим, торговый баланс складывался в пользу России, поставлявшей товары первой необходимости в обмен на предметы роскоши. Екатерине весьма понравился представленный Сегюром проект. «Она приказала сказать Вам, что с удовольствием прочитала Вашу ноту... — передал послу Потемкин, — она даже расположена к заключению желаемого Вами договора». Подготовка трактата и согласование деталей потребовали более года, лишь 31 декабря 1786 (11 января 1787 г.) договор был скреплен подписями. Однако при его реализации возникло немало сложностей.

Сегюр из соображений конкуренции всеми силами старался вредить англичанам, имевшим давние и прочные позиции в торговле с Россией. Он прекрасно понял, что Потемкина Франция интересуется только как южный партнер, и светлейший не станет помогать французам укрепляться на Балтике. «Было бы слишком невыгодно для Франции, — писал граф, — при невозможности пользоваться северною торговлею, которой овладели англичане, довольствоваться одним лишь южным краем. Мне нужно было убедить князя, что торговое развитие южных областей зависит от союза с нами... Я ему говорил: «Так вы сознаете пользу всеобщей конкуренции и невыгоду исключительных преимуществ в торговле, но зачем же вы допускаете монополию некоторых народов, так что Россия, а равно и Франция, получают из вторых рук товары, которые можно было бы обменивать непосредственно?»».

На словах добиваясь равных прав с Англией, Франция фактически желала лишить соперницу преимуществ, которые расторопные британские купцы зарабатывали не одно поколение. Потемкин возражал на это: «Как же вы хотите, чтобы мы пошли наперекор насущным нуждам наших купцов и помещиков? Требования англичан на наши товары очень велики, а с вашей стороны они незначительны, ...нам некуда будет сбывать наши товары, если

прервутся сношения с Англией. Британское правительство поддерживает, поощряет свою торговлю и нашу; ваше правительство в этом отношении действует вяло, беззаботно». России было выгодно торговать на севере с Англией, а в Средиземноморье с Францией. Навязывать же себе условия Потемкин не позволял.

1 января 1787 г. началось знаменитое путешествие Екатерины II в «Киев и область Таврическую», как сообщалось в камер-фурьерском церемониальном журнале⁴¹. Поездка носила характер важной дипломатической акции. Эта грандиозная политическая демонстрация имела целью показать как союзникам России, так и дипломатическим представителям европейским держав, что русские уже закрепились на берегах Черного моря, и изгнать их будет не так-то легко⁴². Императрицу сопровождало блестящее общество, состоявшее из ее собственных придворных и многочисленных иностранных наблюдателей. По дороге Екатерину встречали высокопоставленные чиновники местной администрации. Главный «виновник торжества», генерал-губернатор Новороссии и Тавриды должен был присоединиться к своей царственной покровительнице по пути.

30 апреля к обеду галеры прибыли в Кременчуг, который до завершения строительства Екатеринослава играл роль административного центра наместничества, отсюда начинались земли, вверенные попечению Потемкина. Продолжив путь вниз по Днепру и сойдя на берег неподалеку от Новых Кайдаков, государыня встретилась в степи с австрийским императором Иосифом II. Вместе они отправились к месту закладки Екатеринослава и затем в Херсон.

Вынужденность присутствия австрийского государя в свите Екатерины II весной 1787 г. необходимо учитывать при трактовке политических высказываний и всего стиля поведения Иосифа II в Крыму. Неудовольствие оказанным на него давлением он выразил в ряде скептических замечаний и мрачных пророчеств относительно будущей судьбы Новороссии и Тавриды.

Иосиф II все еще очень обижался на Потемкина за то, что тот когда-то отклонил его предложение о денежной субсидии и выступал за поддержание равновесия сил между Австрией и Пруссией. Однако император отдавал должное личным качествам князя. «Я понимаю, что этот человек, несмотря на свои странности, мог приобрести влияние на императрицу, — заявил Иосиф в другой беседе с французским послом. — У него твердая воля, пылкое воображение, и он не только полезен ей, но необходим. Вы знаете русских и согласитесь, что трудно сыскать между ними человека более способного управлять и держать в руках народ еще грубый, недавно лишь тронутый просвещением, и обуздать беспокойный двор»⁴³.

Херсон потряс путешественников и заставил на время замолчать самые злые языки. Сегюр описывал практически оконченную крепость, казармы, адмиралтейство с богатыми магазинами, арсенал со множеством пушек, верфи и строящиеся корабли, казенные здания, несколько церквей, частные дома, лавки, купеческие корабли в порту. Английский дипломат сэр Алан Фиц-Герберт доносил оттуда в Лондон: «По-видимому, императрица чрезвычайно довольна положением этих губерний, благосостояние которых действительно удивительно, ибо несколько лет назад здесь была совершенная пустыня. Князь Потемкин, конечно, позаботится о том, чтоб представить все с наилучшей стороны. Вчера мы любовались тремя большими кораблями... Суда эти немедленно отправляются для присоединения к флоту в Севастополь»⁴⁴.

Австрийский император оказался единственным из мемуаристов, кому не понравилась херсонская крепость. С дороги он писал фельдмаршалу Ф. Ласси: «Херсонские укрепления выведены очень дурно, фасады очень длинные, куртины слишком коротки, фланги тоже, и поэтому все орудия для обстреливания фасов вытянуты в ряд вдоль этих куртин, точь-в-точь как у нас в Эгере и в Праге»⁴⁵.

15 мая Екатерина, облаченная во флотский мундир, присутствовала при спуске на воду кораблей: 80-ти пушечного «Иосифа», 70-ти пушечного

«Владимира» и 50-ти пушечного «Александра»⁴⁶. Ее сопровождал граф Фалькенштейн. Один из очевидцев этого события, немецкий врач Э.В. Дримпельман рассказывал: «Государыня явилась запросто, в сером суконном капоте, с черною атласною шапочною на голове. Граф так же одет был в простом фраке. Князь Потемкин, напротив, блистал в богато вышитом мундире со всеми своими орденами»⁴⁷. Обратим внимание на эту малозначительную, на первый взгляд, деталь. Скромную одежду императрицы отметил только Дримпельман, другие источники, в частности Камер-фурьерский журнал, отличавшийся в подобных вопросах большой точностью, фиксирует мундирное платье, единственно приличное в подобном случае. А вот потертый сюртук Иосифа II проходит через все мемуары и монографии, в которых рассказывается о путешествии Екатерины на юг. Часто историки специально противопоставляют «скромность» австрийского монарха и подчеркнутое богатым одеянием тщеславие Потемкина.

Между тем, истинное значение любого события может быть определено только в свете культурной традиции того времени. Что же значил старый сюртук Иосифа? По правилам приличий XVIII в. появиться на торжественной встрече в простом наряде значило оскорбить пригласившего вас хозяина. Вспомним эпизод из мемуаров Сегюра, когда Потемкин принял посла в домашнем сюртуке, и француз почел себя обиженным⁴⁸.

Появившись в простом сером сюртуке, австрийский император совершал бестактность по отношению к своим союзникам. Накануне поездки в Россию Иосиф II, перечисляя в письме к Кауницу свои заслуги перед союзницей (главной из которых он называл помощь в присоединении Крыма), негодовал на нее за оказанное давление и обещал дать почувствовать «принцессе Цербстской, превращенной в Екатерину», что он не позволит столь бесцеремонно располагать собой⁴⁹. Кажется, в Херсоне долгожданная маленькая месть, а на языке XVIII в. «шиканство», свершилась. Извинением австрийскому монарху мог послужить только тот

факт, что он и здесь присутствовал инкогнито, как граф Фалькенштейн. Однако едва ли нашелся бы человек, не знавший, кто стоит рядом с Екатериной. Император всячески старался подчеркнуть частный, не государственный характер своего визита, демонстрируя нежелание Австрии присоединяться к военным демонстрациям России.

Очевидно, внутренние отношения между Екатериной и Иосифом были далеки от идиллии. Оба имели причины обижаться друг на друга, но, по мнению императрицы, сильный союзник любой ценой должен был остаться за Россией. Государыня подчеркивала, что чрезвычайно довольна проведенным на спуске кораблей днем, и просила Потемкина «дать вина матросам и солдатам, которые работали на верфи и в крепости»⁵⁰.

Из Херсона путешественники направились в Крым. Главное «чудо», а вернее главный аргумент в политической игре светлейшего князя Потемкина ожидал путешественников под Севастополем. В Инкерманском дворце во время торжественного обеда внезапно отдернули занавес, закрывавший вид с балкона. Взорам присутствующих предстала прекрасная Севастопольская гавань. День был солнечный, на рейде стояла 3 корабля, 12 фрегатов, 20 линейных судов, 3 бомбардирские лодки и 2 брандера — русский черноморский флот. Открылась стрельба из пушек⁵¹. Со всей очевидностью было ясно, что в надвигающейся войне Россия сумеет удержать приобретенные и освоенные под руководством князя Г.А. Потемкина земли.

¹ *Белинский В.Г.* Собрание сочинений в трех томах. Т. II. М., 1948. С. 135 — 136.

² *Самойлов А. И.* Жизнь и деяния генерал-фельдмаршала князя Григория Александровича Потемкина-Таврического // *Русский Архив.* 1867. № 7. Стб. 1208.

³ *Дружинина Е.И.* Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение). М., 1955. С. 278—308.

⁴ *ПСЗ.* Т. XX. № 14392.

⁵ *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968. С. 130 — 131.

⁶ *Мадариага И. де.* Россия а эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С. 572.

⁷ *Брикнер А.Г.* Потемкин. СПб., 1891. С. 65.

⁸ *Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического.* СПб., 1893. С. 65.

⁹ *Богумила А.* Указ. соч. С. 85 — 93.

¹⁰ *Ловягин А.М.* Григорий Александрович Потемкин. СПб., 1905. С. 40.

¹¹ *Лопатин В.С.* Потемкин и Суворов. М., 1992. С. 115.

¹² *Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического.* СПб., 1893. С. 26.

¹³ *Лашков Ф.* Князь Г.А. Потемкин как деятель Крыма. Симферополь, 1890. С. 8.

¹⁴ *Брикнер А.Г.* Потемкин. СПб., 1891. С. 76.

-
- ¹⁵ *Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического*. СПб., 1893. С. 54.
- ¹⁶ *Кабузан В.М.* Народы России в XVIII веке. Численность и этнический состав. М., 1990. С. 192 — 193.
- ¹⁷ *Лопатин В.С.* Указ. соч. С. 45.
- ¹⁸ *Сб. РИО*. 1880. Т. 27. С. 154.
- ¹⁹ *РГАДА*. Ф. 5. № 85. Ч. I. Л. 44.
- ²⁰ *Скаловский Р.* Жизнь адмирала Ф. Ф. Ушакова. СПб., 1857. Т. I. С. 42.
- ²¹ *Самойлов А.Н.* Указ. соч. Стб. 1214.
- ²² *РГАДА*. Ф. 5. № 85. Ч. I. Л. 59.
- ²³ *Самойлов А.Н.* Указ. соч. Стб. 1204—1215.
- ²⁴ *РГАДА*. Ф. 5. № 85. Ч. I. Л. 31.
- ²⁵ *Сочинения и письма Хемницера по подлинным его рукописям*. СПб., 1873. С. 48.
- ²⁶ *Там же*. С. 85.
- ²⁷ *Лашков Ф.* Указ. соч. С. 15.
- ²⁸ *Там же*. С. 62.
- ²⁹ *Разумовский К.Г.* Письмо М.И. Коваленскому // Потемкин. Последние годы. СПб., 2003. С. 143.
- ³⁰ *Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического*. СПб., 1893. С. 121 — 135.
- ³¹ *Ловягин А.М.* Указ. соч. С. 43.
- ³² *Брикнер А.Г.* Потемкин. СПб., 1891. С. 75.
- ³³ *Фалеев М.Л.* Мирные предначертания князя Потемкина // Потемкин. Последние годы. СПб., 2003. С. 144 — 149.
- ³⁴ *Миранда де Ф.* Указ. соч. С. 34, 59.
- ³⁵ *Щербатов М.М.* О повреждении нравов в России // Столетие безумно и мудро. Век XVIII. М., 1986. С. 387.
- ³⁶ *Фельдмаршал Румянцев: Собрание документов и материалов*. М., 1947. С. 78.
- ³⁷ *Миранда де Ф.* Указ. соч. С. 78.
- ³⁸ *Фалеев М.Л.* Указ. соч. С. 148.
- ³⁹ *РГАДА*. Ф. 5. № 85. Ч. I. Л. 476.
- ⁴⁰ *Сегюр Л.* Указ. соч. С. 370 — 372.
- ⁴¹ *КФЦЖ 1787 года*. СПб., 1886. С.1.
- ⁴² *Брикнер А.Г.* История Екатерины Второй. Т. 2. М., 1991. С. 407.
- ⁴³ *Сегюр Л.Ф.* Указ. соч. С. 451.
- ⁴⁴ *Сб. РИО*. 1879. Т. 26. С. 183.
- ⁴⁵ *Киевская Старина*. 1891. № 8. С. 241.
- ⁴⁶ *КФЦЖ 1787 года*. СПб., 1886. С. 432.
- ⁴⁷ *Дримпельман Э. В.* Записки немецкого врача о России в конце прошлого века // РА. 1881. № 1. С. 42.
- ⁴⁸ *Сегюр Л. Ф.* Указ. соч. С. 347.
- ⁴⁹ *Брикнер А. Г.* История Екатерины Второй. Т. II. М., 1991. С. 408.
- ⁵⁰ *РГАДА*. Ф. 5. № 85. Ч. II. Л. 21.
- ⁵¹ *Брикнер А.Г.* Потемкин. СПб., 1891. С. 96.

Статья подготовлена для сборника «Защитники русской государственности в портретах и событиях», изданной НБФ «Наследие» в рамках проекта «Анатомия российской смуты. История и современность» на средства гранта Президента Российской Федерации, предоставленного Фондом президентских грантов.